СЕРИЯ ДЛЯ ТЕХ,
КТО РОДИЛСЯ
ПОД КНИЖНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Карен Кингсбери
«ТЫСЯЧА И ОДНО ЗАВТРА»

Клэр Марчант
«ДОМ ВЕДЬМЫ»

созвездие романа

ДОМ ВЕДЬМЫ

КЛЭР МАРЧАНТ

Fiction

МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М30

Clare Marchant
THE HOUSE OF THE WITCH

Перевод с английского *Дарьи Сорокиной*
Оформление обложки *Владимира Безкровного*

This edition published by arrangement with Diamond Kahn & Woods Literary Agency and The Van Lear Agency LLC.

Марчант, Клэр.
М30 Дом ведьмы : роман / Клэр Марчант; пер. с англ. Д. Сорокиной. — Москва : Издательство АЗБУКА, 2027. — 368 с. — (Созвездие романа).

ISBN 978-5-389-31238-8

Кажется, долгие годы успешной карьеры пошли Адрианне не на пользу: еще вчера она была востребованным специалистом, а сегодня у нее такое чувство, словно она задыхается при одной мысли о работе. Может, она взвалила на себя слишком много? Заручившись поддержкой своего парня, Адрианна решает уйти в длительный отпуск — и ненадолго переехать подальше от Лондона.

Но дом, что приютил ее на следующие полгода, не совсем обычный. Внизу, под половицей, Адрианна находит старый дневник и, несмотря на насмешки и сложности, решает во что бы то ни стало восстановить историю той, кто жила здесь когда-то и вела эти немногословные записи.

Так, вместе с Адрианной мы окажемся в XVII веке, открывая для себя жизнь Урсулы. Повитухи, знахарки и... настоящей ведьмы?

Эта тяжелая, глубокая история — о сильных женщинах и о справедливости, которая рано или поздно восторжествует.

УДК 821.111
ББК 884(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-31238-8

© Clare Marchant, 2024
© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА»®, 2027

ПРОЛОГ

1646 год

На фоне ночного неба виднеется силуэт церкви, и хрупкий свет убывающей луны отбрасывает тени на неровную землю. Спотыкаясь, человек пробирается по взрытой грязи к зияющей темной бездне. В воздухе стоит запах сырой свежевскопанной почвы, смешанный с потом и страхом.

Короткие, рваные движения: тело опускают в последнее пристанище. От него еще исходит тепло, но жизни внутри уже не осталось. Спустившись к мертвецу в яму, в его конечности вгоняют зазубренные железные клинья — словно пригвождая к земле. Шепчутся слова, которые не позволят мертвому подняться.

Наваленная сбоку земля засыпается обратно, и наконец все исчезает под слоем грязи. Папоротник и ежевика, которая впивается острыми шипами в грязную кожу, укрывают холм, пряча его от глаз на пустынном клочке земли.

На могилу ставят камень, на котором уже выбиты слова — надпись завершают острым и еще липким от крови осколком кремня. Все неизбежно вело

к этому, единственно возможному финалу. Свершившаяся смерть не преступление, она справедлива и необходима, чтобы защитить тех, кого нужно уберечь от зла.

Персты рассвета пронзают горизонт, напоминая: остается совсем мало времени на последнее дело. Оно завершит эту историю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

2024 год

— Господи, Адди, ты вообще смотрела фотографии, прежде чем подписывать договор? Здесь же полный бардак. — Рик бросил чемоданы в прихожей и поморщился, глядя на паутину и пыль. — А еще я заметил, что в левом переднем углу крыши вываливается черепица. Выходи осторожно — она может упасть и тебя поранить.

— Разумеется, я видела фотографии, — ответила Адрианна. — Я знаю, здесь давно никто не живет. Агент меня предупреждал, но именно поэтому дом дешевый. Я не потяну два жилья одновременно даже полгода, если одно из них — не бюджетный вариант. Угадай, к какому относится это место?

Она протиснулась мимо него и прошла через небольшую гостиную с неровным полом, открытыми балками и бледными, словно припудренными штукатуркой стенами в просторную кухню, которая находилась, видимо, в более поздней пристройке сзади. Сквозь грязные, затянутые паутиной окна виднелся сад и фруктовые деревья вдали — их уже усыпали

первые цветочные завязи. А дальше, на горизонте, маняще маячила мягкая охра песчаных дюн и сверкающая полоска моря.

— Когда я наведу порядок, здесь станет чудесно. Я быстро сделаю из этого места конфетку, — добавила она, когда Рик подошел ближе и принялся изучать содержимое шкафчиков.

— Знаю, моя хозяюшка. — Он притянул ее к себе, обнял и взъерошил ей волосы. — А теперь давай-ка быстренько осмотримся. Мне нужно в ванную, а потом, увы, придется вернуться в Лондон. Завтра сложный день на работе. И пожалуйста, не перенапрягайся с уборкой. Не забывай — у тебя долгий отпуск, передышка. Не взваливай на себя лишнего.

— Разумеется, но ведь мозг мне напрягать не придется. И никаких дедлайнов. Я планирую целыми днями сидеть и читать книги в саду или у камина.

— Сначала нужно прочистить дымоход, — предупредил Рик. — Пожар может моментально превратить дом в груду горящих обломков. Будь осторожна, дорогая.

— Буду, — заверила она. — А теперь предлагаю подняться и осмотреться. Может, проверим кровать?

Она выразительно приподняла брови.

Ухмыльнувшись, Рик схватил ее за руку, и они бросились наверх — искать спальню.

* * *

— Я все равно не понимаю, почему ты не отдашь мне машину, пока живешь здесь, — сказал Рик позднее, когда они ехали в Кингс-Линн. — Ты обрекаешь меня на мучительные поездки в метро ближайшие полгода. А возле коттеджа нет парковки — придется оставлять

ее на дороге. Ты ведь так за нее переживаешь — ей будет куда безопаснее на стоянке возле квартиры.

— Но без нее мне никуда не добраться, — возразила Адрианна. — У тебя хотя бы есть общественный транспорт. Ты просто привык брать мою машину, потому что в Лондоне я живу рядом с работой.

Она купила «Рейндж Ровер» на прошлогоднюю премию, и Рик был в полном восторге. Неудивительно — похоже, именно он и наездил бóльшую часть пробега.

— А если что-то случится? Или мне понадобится срочно вернуться в Лондон? Я же не могу три дня ждать автобус, — добавила она.

— Уверен, ты бы справилась, — упорствовал Рик, когда они остановились у привокзальной площади. Он ссутулил плечи, надул губы и кокетливо захлопал ресницами.

— Я же сказала — нет, — рассмеялась Адрианна.

Она вышла из машины, чтобы попрощаться, и прижалась к нему. Ей нравилось чувство защищенности и покоя, которое дарили его объятия. После долгого поцелуя и слов «Люблю тебя, напиши, когда доедешь», она дождалась, пока он скроется в здании вокзала. Отпуск в Норфолке — полугодовая передышка от напряженной работы финансового директора в Сити и ее последствий. Она оказалась в состоянии, куда не хотела возвращаться никогда, и, положив ладонь на грудь, напомнила себе сохранять спокойствие. Споры, кому достанется машина — словно речь о питомце при разводе, — совсем не то начало отдыха, которое она представляла.

Обратная дорога оказалась гораздо спокойнее, и Адрианна тихо подпевала радио, постукивая пальцами по

рулю. Рик всегда кривился, когда она включала классику, но ее она успокаивала. Вдоль живых изгородей уже проглядывали признаки грядущей весны: заросли нарциссов, чьи бутоны раскрывали ярко-желтые лепестки, жались под терном и буком. Зимние, черные, колючие силуэты деревьев, уже тронутые зеленой листвой, обещали скорое тепло.

Когда она вернулась к коттеджу, с моря выполз туман и линия горизонта исчезла. Тяжелые клубы белизны стелились над землей, скрывая все ниже колен. На кладбище возле дома из молочной мглы торчали лишь верхушки надгробий. Адрианна поспешно зашла внутрь, стараясь не смотреть в ту сторону.

В доме оказалось холоднее, чем раньше. Потирая ладони, она достала стеганый жилет, накинула его, прошла на кухню и подставила чайник под кран. Задержала дыхание, ожидая, потечет ли вода, и с облегчением услышала струю после нескольких хриплых всхлипов и брызг. Сделав чашку кофе, она отнесла ее в гостиную.

Адрианна опустилась на колени возле камина и задумалась, стоит ли рисковать и пытаться разжечь огонь — несмотря на предупреждение Рика, по-прежнему звучащее в голове. Это был единственный источник тепла, не считая плиты на кухне — центральное отопление здесь отсутствовало.

Смахивая грязь и остатки золы, она остановилась, обнаружив в углу большое темное пятно. Багрово-охристое, почти коричневое — оно подозрительно напоминало засохшую кровь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1646 год

Урсула замерла, услышав громкий стук в дверь. Быстрое движение — и зажатый меж колен освежеванный кролик прикрыт мешком под столом. Она подвинула ногой солому, прикрывая лужу крови на полу. Браконьерство каралось смертью, и, если Урсула, как и ее соседи, считала поля вокруг дома общими, местный сквайр думал иначе. Он обнес их изгородью и объявил своей собственностью.

— Урсула, слава богу, ты дома!

На пороге взволнованно переминалась с ноги на ногу девочка раннего подросткового возраста — старшая из семерых детей кузнеца. У нее было серьезное, изможденное лицо ребенка, которому редко доводилось наедаться досыта, а под накинутым на плечи вязаным пледом угадывалось худое угловатое тело. У нее за спиной виднелся хаар — морской туман, который медленно наполз за ночь и улегся тяжелым, влажным покрывалом, затмевая солнце и заглушая звуки. Опыт подсказывал Урсуле: он вряд ли рассеется до вечера, и ночь опустится под тем же сырым покровом.

Туман висел в воздухе, прижимая к земле запах дыма из труб.

— В такую погоду не хочется никуда выходить, — ответила Урсула и добавила: — Уже началось?

Жена кузнеца, Рут, должна была вот-вот родить восьмого ребенка, и Урсула — как местная повитуха — ждала, что за ней пришлют.

— Ага, — кивнула девочка. — Уже скоро. Схватки начались прошлым вечером. Младенец не торопится.

— Подожди, я возьму сумку с травами, и пойдем вместе, — сказала Урсула.

Она быстро притушила огонь в очаге, чтобы случайная искра не подожгла дом, накинула на плечи шаль и взяла кожаную сумку. Там было все необходимое для родов.

Урсула надела ботинки — у левого уже треснул мысок, но он еще годился — и обула поверх деревянные башмаки. Их сделал для нее местный плотник в благодарность за снадобье, спасшее от горячки его сынишку.

Девочка почти бежала — ей хотелось поскорее вернуться домой, — и Урсула поспешила за ней. Рут была опытной и крепкой, но обе знали: всегда есть риск, что что-то пойдет не так. Женщины — как и дети — нередко умирали при родах.

Они приблизились к кузнице — в полумраке замерцали оранжево-желтые отблески горна, и до Урсулы донесся запах раскаленного металла и звон молота. Урсула поняла, что хозяину сейчас не до жены и семьи, и ускорила шаг. Чем быстрее она доберется, тем лучше.

Зайдя в дом, который был больше ее собственного, Урсула сразу услышала сверху стоны. Несколько детей — с такими же худыми, изможденными лицами, как у сестры — посмотрели на нее с облегчением. Лишь двое младших продолжали играть на полу гладкими камешками, не обращая внимания на шум.

— Принеси горячей воды, — распорядилась Урсула. Девочка знала, что делать: схватила горшок и принялась его наполнять. Урсула поспешила наверх, услышав зов пациентки.

— Кажется, я слышала, как открылась дверь...

Рут держалась за край деревянной кровати, покачивая бедрами. В комнате не было камина, но тепло поднималось снизу, и темные волосы прилипли к ее покрывшемуся испариной лицу.

— Похоже, я как раз вовремя, — улыбнулась Урсула, взяла с полки в углу стопку чистого белья и разложила его на полу. Она знала: Рут не любит рожать лежа или на родильном стуле. Когда придет время, она опустится на колени, и ребенок родится прямо на расстеленную ткань — если Урсула не успеет его подхватить. Какой бы способ рожать ни выбрала женщина, он казался Урсуле правильным. Сама она никогда не рожала, но считала, что в этом деле следует полностью полагаться на желания матери.

Стоны Рут стали громче, и она опустилась на колени, продолжая держаться за кровать. Урсула присела и увидела, что уже показалась головка.

— Не тужься так сильно, — спокойно сказала она. — Позволь мне помочь малышу появиться на свет.

Она нащупала головку, обхватила ее ладонями и понемногу, шаг за шагом, вытягивала ребенка, пока

Рут наконец не вскрикнула долгим, протяжным криком — и скользкое, окровавленное, мокрое тельце не выскользнуло в руки Урсулы. Она осторожно уложила младенца на приготовленную ткань.

Взяв одно из полотен, Урсула энергично растирала младенца — крупного мальчика, — пока его личико не сморщилось и комнату не наполнил возмущенный крик. Лишь тогда она поняла: с ребенком что-то не так. Его ноги искривлены — обе стопы под неестественным углом вывернуты вдоль лодыжек. Она осторожно попыталась их выпрямить, вернуть в нормальное положение, но они не поддавались.

Рут переступила через младенца, повернулась и опустилась на пол, а Урсула перевязала пуповину чистой бечевкой и перерезала.

— Ребенок не в порядке, — тихо предупредила она, прежде чем передать его матери.

Рут резко втянула воздух и замерла, разглядывая малыша и осознавая увиденное.

— Что с ним? — прошептала она. — Почему вывернуты ноги?

— Не знаю, — призналась Урсула, — не думай об этом. Приложи его к груди, пусть поест.

Рут послушалась, и младенец принялся сосать.

— Как ты его назовешь? — спросила Урсула, тихо принимая послед. А потом завернула его, чтобы сжечь внизу.

— Джон настоял, чтобы мы назвали первого сына в его честь — думаю, справедливо, если в этот раз имя выберу я. Я назову его Генри — в честь моего отца.

Снизу послышался голос Джона:

— Меня позвали. Сказали, плакал ребенок, и я больше не слышу криков и стонов моей Рут. — Он рассмеялся. — Можно мне подняться?

— Можно, — ответила Рут.

Урсула поспешно накинула на младенца пеленку, но, когда Джон вошел в тесную комнату, он молча посмотрел на обеих и отдернул ткань. Глаза Рут наполнились слезами, и она молча передала ему ребенка.

— Что вы с ним сделали? — Джон тут же вернул младенца. — Что у него с ногами? Почему они извиваются, как змеи?

— Как известно, не все дети рождаются совершенными, — спокойно ответила Урсула. — И не все младенцы рождаются с дыханием. Надо благодарить Господа, что у Генри оно есть.

Рут уже рыдала в голос, прижимая ребенка к груди.

— Нет... милосерднее было бы ему вовсе не сделать первый вдох — если он не сможет ходить, его ждет очень тяжелая жизнь. Он станет для нас обузой.

Лицо Джона налилось краской, кулаки сжались. Он резко развернулся и вышел; на лестнице раздался тяжелый топот сапог. Хлопнула дверь — так, что содрогнулись деревянные стены. Через мгновение снова раздался звон молота.

— Это от расстройства, со временем он привыкнет к Генри, — заверила Урсула, укладывая младенца в дубовую колыбель — за много лет раскачивания ее края потемнели и отполировались от рук. Потом Урсула помогла Рут переодеться в чистую льняную рубаху и улечься на набитый сеном матрас. Неудивительно, что та предпочитала рожать на полу — если бы он пропитался кровью, поменять его было бы непросто.

Урсула дала Рут тысячелистник и велела жевать понемногу:

— Это поможет матке вернуться в норму, но если переборщить, то начнутся боли и сильное кровотечение. Достаточно одного листочка в день.

Внизу, на кухне, старшая девочка раздавала горячие миски с хлебом, размоченным в жидкой похлебке — сверху плавали кусочки пастернака и лука-порея. Неудивительно, что дети такие худые и болезненные — пожалуй, отцу следовало позаботиться о них, а не приводить в мир новых. При желании можно предотвращать появление детей травами, но Урсула прикусила язык. Он наверняка скажет, что это ее не касается и дети нужны ему как подстраховка — на случай, если кто-то умрет. Урсула велела одному из ребятишек отнести похлебку матери.

Выйдя на улицу, она отправилась к Джону — попросить его позаботиться о Рут и не винить ее за физические отклонения новорожденного.

— Избавь меня от своих советов, повитуха, — отрезал он, опуская в ее ладонь небольшую горсть монет. — Она моя жена, и я поступлю, как считаю нужным.

Понимая, что спорить бессмысленно, Урсула убрала деньги в сумку и ушла. Было неприятно в одиночку идти домой сквозь туман, и она двинулась по деревенской улице, стараясь держаться поближе к домам и ориентироваться по ним в тенистой мгле, пока не увидела знакомый каменный коттедж — свой собственный. В прошлом году его немного подлатали красными кирпичами разных размеров, но ей гораздо больше нравились серо-белые узоры местного камня. Урсула склонила голову, хоть вокруг

царила тишина — умиротворяющий шум волн, катящихся по камням и песку вдали, умолк. Под этот звук прошла вся ее жизнь, все пережитые и увиденные ужасы — то, что невозможно стереть из памяти. Но она разорвала порочный круг навсегда, и теперь прошлое таится в коробке в ее голове — крышка закрыта, и лучше ее не трогать. Нет никакого смысла в воспоминаниях. Теперь у нее другая жизнь, и она благодарна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1646 год

Позднее в тот же день Урсула направилась к колодцу в центре деревни, захватив пустое кожаное ведро. Из рыбацкого домика доносились крики. Урсула вопросительно подняла брови и глянула на подругу, Кэтрин, которая крутила деревянную рукоять, поднимая тяжелое ведро — вода переливалась через край. Урсула помогла снять его и перелить воду в сосуд, похожий на ее собственный.

— Все пропил, — сказала Кэтрин.

Урсула кивнула и поморщилась: крики усилились, а затем последовал глухой тяжелый удар и треск дерева. Раздался тонкий, пронзительный вскрик — и воцарилась тишина. Обе женщины понимали: вмешиваться не стоит, подобное нередко происходит и в других домах. Когда у мужчин заводятся деньги, они пьют ночь напролет, а потом просыпаются с больной головой и вымещают последствия веселья на женах.

Урсула не раз видела, на что способен крупный сильный мужчина во хмелю — тот, кто плевать хотел

на жену и семью и предпочитает язык кулаков. Так прошло ее детство: отец издевался над матерью, над ней и над ее братьями. У нее до сих пор остались шрамы после того, как ее швырнули через всю комнату в четырехлетнем возрасте — и ей еще повезло остаться в живых. А вот ее матери повезло меньше: она погибла от руки собственного мужа.

Он понимал: если кто-то узнает, что он убил жену, его отправят в тюрьму в Кингс-Линне, а затем повесят. Наспех собрал немного еды и эля и сбежал. Ни на миг не задумавшись о троих детях — Урсула осталась растить братьев одна. Короткий приступ его жестокости перевернул всю ее жизнь.

Она вытащила из гостиной тяжелое тело матери, чтобы не пугать братьев, когда те вернутся — они искали на берегу коряги. Через несколько дней в соседней церкви состоялись похороны, а Урсула осталась жить с братьями. Она была достаточно взрослой и заботилась о них, пока каждый не нашел работу и не покинул дом. Младший, Питер, теперь работал пастухом в окрестностях Норвича и дважды навещал ее за последние годы, а вот о Ричарде она ничего не знала. Возможно, он сражался на гражданской войне. Урсула поминала их в молитвах каждый вечер.

Вернувшись домой, она подбросила в очаг поленьев. Остатки похлебки из кролика начали закипать. Насыщенный мясной аромат ослаб, но, если добавить репы и ячменя, можно растянуть ее еще на несколько дней. В этом году один из деревенских лишился за браконьерство руки — и еще легко отделался, ведь его могли и повесить. Управляющий был человеком суровым, но, к счастью, слово замолвила более

милосердная леди Мейлинг. Возможно, вмешайся она, когда ее муж захватил земли вокруг деревни, жители не оказались бы настолько бедны, что начали красть кроликов и фазанов. Многих обрекли на жалкое, тяжелое существование.

Как Урсула и ожидала, Джейн — жена загулявшего рыбака — явилась к ней в тот же день. Ее лицо превратилось в распухшую багровую массу, словно пропитанный ежевичным соком хлеб; нос с запекшейся кровью свернулся набок. Урсула впустила ее, усадила на табурет возле огня и принялась готовить настой из розмарина и пижмы и припарки из болотной мяты, чтобы хоть немного уменьшить отек.

Урсула работала молча и прикусила губу, чтобы не сказать лишнего. Разговоры бессмысленны: многие мужчины избивают жен, не сдерживая кулаков, но куда деваться? Женщинам некуда идти. Убийство супруги карается смертной казнью, но синяки и переломы заживают — их легко скрывают как сами обидчики, так и жертвы. Люди просто отворачиваются и делают вид, что ничего не происходит.

Поступки отца сильно повлияли на Урсулу. Она никогда не окажется в положении матери — не станет куском мяса, которым мужчина владеет и распоряжается как вздумается. Потому что считает своей собственностью. Она живет одна, никому не принадлежит, сводит концы с концами благодаря травяным снадобьям, работе повитухи и умению лечить — например, Джейн, которая сидит сейчас рядом и потягивает теплый пряный эль распухшими губами, покрытыми запекшейся кровью. А еще у нее шатается передний зуб.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Марчант Клэр

ДОМ ВЕДЬМЫ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Д. Журавлева, Л. Асанова*
Верстка *К. Иванов*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
© rangizzz / shutterstock.com
© ma_i_vi / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.10.2026.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 3000 экз. T-CON-40477-01-R. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» –
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68,
БЦ «Регул», 2-й этаж
Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қаласындағы
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
195112, Санкт-Петербор,
Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,
«Регул» бизнес орталығы, 2-қабат
Тел.: (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: https://certification.atticus-group.ru/.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+